

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/1813-145X-2024-4-139-223
EDN: ZTVVDXY

Память детства: территориальные локусы мира детства – части культуры повседневности жителей Екатеринбурга (Свердловска)

Татьяна Дмитриевна Попкова¹, Анастасия Александровна Воронцова²

¹Доктор культурологии, профессор кафедры педагогики, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614068 г. Пермь, ул. Букирева, 15

²Старший научный сотрудник, Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера. 620075, Свердловская обл., г. Екатеринбург, просп. Ленина 69/10

¹tatyana3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0267-217X>

²anastacia.vorontsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8964-6723>

Аннотация. Для гуманитарного дискурса XX века характерен рост интереса к memory studies – изучению памяти. С одной стороны, она является частью индивидуального опыта, обуславливающего единство и самоидентичность человека. С другой стороны, существует культурная память – часть коллективного разума. Прошлое прямо или косвенно воздействует на жизнь и сознание индивида. Обращаясь к памяти своего детства, взрослый репрезентирует его, исходя как из чувственной, так и рациональной рефлексии. Осмысливая события детства, человек и возобновляет эмоциональную память, и концентрирует локусы истории. Актуальность темы обусловлена поиском фактографических данных об эмоциональных рефренах взрослого человека – воспроизведении в памяти локусов детства. Исходя из этого, авторы определяют целью статьи выявление у жителей Екатеринбурга сохраненных образов детства, связанных с конкретными местами – пространственными локусами, выступающими в роли памяти культуры прошлого столетия. Для получения достоверных данных в исследовании используются партиципаторные технологии, позволяющие получить факты, основанные на взаимосвязи значимых для детей мест, наиболее частых для посещения, ситуаций (памяти о них), а также переживаемых чувствах и эмоциях. В целом этот фон позволяет воспроизвести социальный и культурный контекст определенного временного периода в жизни поколений. Данный исследовательский проект предусматривает его популяризацию в музее г. Екатеринбурга, привлекая посетителей к активному общественному содействию в поиске и фиксации социального и культурного наследия мира детства.

Ключевые слова: поколение; мир детства; память; культурный контекст; культурные смыслы; локусы; партиципаторные технологии; музеи

Для цитирования: Попкова Т. Д., Воронцова А. А. Память детства: территориальные локусы мира детства – части культуры повседневности жителей Екатеринбурга (Свердловска) // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 4 (139). С. 223-231. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-223>. <https://elibrary.ru/ZTVVDXY>

Original article

Memory of childhood: territorial loci of the world of childhood – parts of the culture of everyday life of residents in Yekaterinburg (Sverdlovsk)

Tatyana D. Popkova¹, Anastasia A. Vorontsova²

¹Doctor of culturology, professor, department of pedagogy, Perm state national research university. 614068, Perm, Bukirev st., 15

²Senior researcher, Sverdlovsk regional museum of local lore named after O. E. Claire. 620075, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Lenin avenue, 69/10

¹tatyana3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0267-217X>

²anastacia.vorontsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-8964-6723>

Abstract. The humanitarian discourse of the XX century is characterized by an increase in interest in memory studies – the study of memory. On the one hand, it is part of the individual experience that determines the unity and

identity of a person. On the other hand, there is cultural memory – part of the collective mind. The past directly or indirectly affects the life and consciousness of the individual. Addressing the memory of his childhood, the adult represents him, proceeding from both sensual and rational reflection. Comprehending the events of childhood, a person both renews emotional memory and concentrates the loci of history. The relevance of the topic is due to the search for factographic data on the emotional refrains of an adult – the reproduction of childhood loci in memory. Based on this, the authors determine the purpose of the article to identify among the inhabitants of Yekaterinburg the preserved images of childhood associated with specific places – spatial loci that act as a memory of the culture of the last century. To obtain reliable data, the study uses participatory technologies to obtain facts based on the relationship between the most frequent places for children to visit, situations (memory of them), as well as feelings and emotions experienced. In general, this background allows you to reproduce the social and cultural context of a certain time period in the life of generations. This research project provides for its popularization in the museum of Yekaterinburg, attracting visitors to active public assistance in finding and fixing the social and cultural heritage of the World of Childhood.

Key words: generation; the world of childhood; memory; cultural context; cultural meanings; loci; participatory technologies; museums

For citation: Popkova T. D., Vorontsova A. A. Memory of childhood: territorial loci of the world of childhood – parts of the culture of everyday life of residents in Yekaterinburg (Sverdlovsk). *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (4): 223-231. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-223>. <https://elibrary.ru/ZTVVDXY>

Введение

Постоянная трансформация окружающей среды, характерная для современного общества, вызывает у человека потребность в поиске *ментальных локусов жизнедеятельности*, которые позволяют ему регулировать и стабилизировать собственный внутренний мир. Одним из таких локусов можно считать *память о собственном детстве*. Осознание детства как важнейшего периода жизни человека и одновременно феномена *культуры* связано с пониманием его прогностической значимости.

Жизнь детей протекает в пространстве двух миров: внешнем социальном – *мире взрослых*, и внутреннем личностном – *мире детей*, которые органично включены в изменяющуюся реальность. Одновременное пребывание в двух принципиально разных мирах позволяет детям осваивать социальное пространство – значимые пространственные локусы, которые занимают устойчивое место в ретроспективной памяти взрослого человека.

Для научной среды свойственно неоднозначное отношение к теме детства, проблемные вопросы которой традиционно относятся к сфере педагогики. Однако, поскольку этот период является неотъемлемой частью жизни каждого человека и значимой сферой социума, представляется актуальным изучение детства как особого феномена культуры, в основе которого находятся *воспоминания* взрослых людей.

Одним из наиболее достоверных способов фиксации «памяти детства» является *музей* как место репрезентации и осмысления прошлого,

поскольку «чувство сопричастности, эмоциональной связи с прошлым становится возможным на исторических местах и при взаимодействии с историческими артефактами...» [Бутейко, 2020, с. 84].

Цель проекта заключается в актуализации *мест памяти* – территориальных локусов детства как части повседневной культуры жителей Екатеринбурга (Свердловска). Исходя из цели были определены задачи: выявление и систематизация детских воспоминаний жителей Свердловска; определение «мест памяти». Исследование носило прикладной характер и предполагало разработку интерактивного проекта – выставки «Мое свердловское детство» для музея кукол и готовящейся к изданию книги «Страна чудес».

Теоретические основания исследования

Социальное окружение, оказывая воздействие на повседневную жизнь человека, фиксируется в памяти – коллективной или индивидуальной. Исследователи XX века обращались к памяти как феномену культуры, определяли её как способ сохранения, передачи и актуализации ментальных смыслов – связующее звено между поколениями. А. Бергсон полагал, что человек движется от прошлого к настоящему, и что его личность «синтезируется» из опыта и новых знаний. Выделив «фиксирующую память», сохраняющую в сознании человека только единичные события, он подчеркнул, что она выражается в уникальных образах-воспоминаниях, которые запечатлевают «свое место и свою дату» [Бергсон, 1999, с. 487]. Память окрашена эмоциональными впечатлениями о пережитых событиях, которые свя-

заны с физическими ощущениями и испытываемыми в тот момент чувствами: «Существует известный феномен эмоциональной памяти: когда я не просто помню событие, а когда, вспоминая событие, я оказываюсь захвачен им полностью, на эмоциональном и даже на психосоматическом уровне и переживаю его с такой же интенсивностью, как когда оно происходило на самом деле» [Мелик-Пашаев]. Эмоциональная память способна фиксировать, сохранять, трансформировать и воспроизводить определённые чувственные состояния человека, «в которых закодировано его отношение к объектам, событиям, ситуациям, людям» [Солодовникова, 2017, с. 21].

«Культурная память» (понятие, введённое в науку Я. Ассманом) внутренне разнообразна и подразумевает наличие отдельных «диалектов», проявляющихся у коллективов, объединённых определённой средой. С одной стороны, в ней присутствует тенденция, направленная на объединение членов коллектива, с другой – на их спецификацию. А. Р. Лурия интерпретировал память как способ сохранения и воспроизведения следов прежнего опыта, позволяющий человеку накапливать информацию и иметь дело со следами прежнего опыта после того, как вызвавшие их явления исчезли [Лурия, 2006].

Ю. М. Лотман выделял два типа памяти – *информативную* (сохраняющую результаты познавательной деятельности) и *креативную*, творческую [Лотман, 1992, с. 200], актуализация которых подчиняется законам культурного развития как для индивида, так и для общества в целом. Для нашей работы таким материалом служат устные и письменные тексты жителей Свердловска прошлого столетия.

Французский исследователь М. Хальбвакс рассматривал память как специфическую форму коллективного сознания: воссоздавая и актуализируя прошлое, человек выступает не только как отдельная личность, но и как представитель определённой социальной группы, внутри которой воспоминания воссоздаются, узнаются и локализируются [Хальбвакс, 2007]. Отметим, что данный процесс осуществляется посредством коммуникативного взаимодействия – *ситуативного* (навеянного местом или событием прошлого) или *организованного* (например, в музеях).

Идеи М. Хальбвакса развивали Я. Ассман и А. Ассман. А. Ассман акцентировала внимание на том, что «индивидуальные и коллективные воспоминания становятся всё менее спонтанными, естественным или сакральным актом, они во

всё большей мере опознаются как социальные и культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю» [Ассман, 2014, с. 12]. *Коллективная память* определяется жизненным опытом человека и доступной для него информацией; поскольку она опирается на непосредственное социальное взаимодействие, её временной диапазон составляет примерно 80 лет. *Культурная память*, в свою очередь, относится к далёкому прошлому – «временни истоков», о котором никто из ныне живущих людей не может помнить лично. Память формируется под влиянием трёх факторов: носителя, среды и опоры, которые в каждом виде памяти имеют свои конкретные элементы [Ассман, 2014, с. 30–31]. *Индивидуальная память* имеет ограниченный временной диапазон и зависит от длительности жизни индивида; коллективная память является долгосрочной, так как основывается на *воспоминаниях* – опыте и знаниях поколений и в процессе преемственности поколений выполняет информационную функцию. Этот вид памяти формируется в каждом новом поколении сознательно и встроен в систему социализации и воспитания. Для её сохранения, воспроизводства и трансляции существуют специальные социальные институты – библиотеки, музеи и архивы.

Согласно концепции Я. Ассмана, воспоминания о прошлом не просто передаются от поколения к поколению, но каждый раз переосмысливаются и реконструируются в соответствии с ценностями разделяющих их людей. Исследователь разграничивал понятия «культурная память» и «традиция»: традиция воспроизводит опыт людей без изменений, поскольку авторское вмешательство и отход от канона оборачивается потерей «традиционности»; культурная память живёт за счёт многочисленных *интерпретаций*, так как является знаково-символическим конструктом, созданным настоящим, и присуща не индивидам, а целому поколению – это одно из «хранилищ» знаний общества о самом себе [Ассман, 2004].

Исходя из кантовского понимания пространства как априорной формы созерцания внешних вещей [Кант, 1998], культурную память можно рассматривать в качестве совокупности «локусов» как индивидуального, так и коллективного сознания. В процессе организации проекта мы опирались на понимание памяти как *акта воспоминания*, основанного на *узнавании* тех или иных событий, опосредованных расположенными в пространстве объектами, которые будут

называться «местами памяти», – то есть тем, что, по словам У. Эко, привлекая к себе повышенное внимание, не может исчезнуть из сознания [Есо, 1988, р. 254–261].

В рамках исследования мы также обращались к работам французского историка П. Нора, разработавшего концепцию «мест памяти», являющихся свидетелями других эпох – различных артефактов, учреждений культуры, памятников, монументов, архивов и т. п. [Нора, 1999, с. 17]. Размышляя над проблемой разрушения механизма преемственности памяти, историк сделал вывод, что современный человек отделился «от истории, искавшей себя в непрерывности памяти», и перешёл к другому типу восприятия времени – «памяти, спроецировавшей себя на прерывность истории», в результате чего прошлое стало переживаться как «разрыв», и люди «говорят не об “истоках”, а о “рождении”» [Нора, 1999, с. 17, 19]. В результате этого прошлое начинает восприниматься как нечто чуждое современной культуре, а связи с предыдущими поколениями теряются. Эти мысли можно в полной мере отнести и к современной русской культуре, которая либо коммодифицируется, либо предстает в виде набора стереотипных представлений о жизни предшествующих поколений.

Восстановление связи с прошлым, а именно культурной среды, способной «оживить» человеческую память, возродить утраченные ценности и преемственность поколений – актуальная задача общества. Способствовать наведению «мостиков» между прошлым и настоящим должны музеи, которые являются ментальным и материальным пространством хранения атмосферы прошлого – культурной памяти, а также творческой трансформации настоящего. Музеи – это одна из институций, способствующих сохранению и включению в текущий общекультурный контекст артефактов, в которых реализуется «трансляция и актуализация культурных смыслов» [Мишакова, 2018, с. 514].

Сохранение культурного наследия возможно как в статичных формах, так и в виде трансляции в культурно-историческую память общества. В настоящее время важнейшая задача музеев – актуализация культурной памяти, то есть «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [Словарь музейных терминов..., 2023]. Благодаря этому процессу прошлое постоянно напол-

няется новыми смыслами и включается в современную культуру, поскольку культурная память представляет «не просто сохранение прошлого, но многократное его прочтение и переосмысление» [Бахтин, 1979, с. 334].

Методология исследования

Осуществлённый в ходе исследования музейный проект предполагал практическую реализацию изложенных выше теоретических принципов культурологии в процессе организации интерактивного выставочного пространства. В теоретическом плане мы обращаемся к синхроническому методу (при помощи которого исследуются события и факты в рамках отдельно выбранного исторического периода жизни жителей Свердловска); в прикладном плане (то есть в процессе реализации проекта) мы используем методы музейной практики и музееведения – парципаторную технологию и *memory stories*, – позволяющие получать эмпирический материал, осуществлять его обработку и документировать.

Музей как один из профессиональных институтов сохранения истории культуры выступает в роли связующего звена между современностью и прошлым, которое он воссоздаёт, актуализирует и интерпретирует; таким образом музей «встраивает» культурное наследие в современность, предоставляя возможность новым поколениям почувствовать значимость прошлого. В последние десятилетия функции музеев были существенным образом переосмыслены – как в теории, так и на практике. Традиционный музей был основан на просветительской установке, предполагающей пассивную роль посетителя в качестве объекта воздействия; современный музей стал позиционироваться как место интерактивного контакта с аудиторией, где посетители вовлекаются в «музейное действие», то есть выступают как субъекты. Такой контакт предполагает взаимодействие с конкретной экспозицией и всем музейным пространством: смысл представленного культурно-исторического наследия приобретает диалогичный характер – конструируется совместно с аудиторией и постоянно трансформируется. Соответственно переосмысливаются и формы музейной экспозиции, которая, по мнению многих современных теоретиков музейной деятельности, должна строиться на принципах отказа от монологичности и унифицированности в пользу множественности и нелинейности.

Необходимость трансформации процесса трансляции культурного опыта приводит к тому, что музеи ведут поиск привлекательных форм взаимодействия с посетителями. В XXI в. одной из наиболее эффективных оказалась модель *парципаторного музея*. Парципаторный принцип успешно зарекомендовал себя в международной практике и может быть использован в музеях разного типа.

Парципаторность (от английского слова *participate* – участвовать) предполагает вовлеченность участников (зрителей, слушателей) какого-либо действия в процесс совместного создания произведения искусства (инсталляции, перформанс) или иного объекта (в нашем варианте – музейной экспозиции). Концепция такого музея была предложена Н. Саймон, которая интерпретировала его как учреждение культуры, где посетители могут заниматься творчеством, обмениваться впечатлениями и общаться на связанные с учреждением темы [Саймон, 2017]. В 2019 г. комиссия Международного совета музеев ИКОМ определила музеи как «инклюзивные и полифонические пространства», созданные «для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего». Было подчеркнута, что «музеи существуют не для получения прибыли», поскольку «основаны на принципах участия и прозрачности, работают в активном партнерстве с различными сообществами и для них...» [Ноче].

В дальнейшем формулировка понятия варьировалась и приобрела окончательный вид в 2022 г.: «Музей – это некоммерческая, постоянно действующая институция на службе общества, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и экспонирует материальное и нематериальное наследие. <...> Они работают и коммуницируют этично, профессионально и с участием сообществ, предлагая разнообразный опыт для образования, наслаждения, размышлений и обмена знаниями» [Музеи договорились]. Исходя из такого понимания ключевым фактором деятельности музеев следует считать взаимодействие с посетителями.

Использование метода «*memory stories*» предполагает коллективное конструирование социальной памяти. М. Буланова и Э. Коркия указали на то, что коллективная память рассматривается в рамках пяти основных научных направлений – функционального, феноменологического, постструктуралистского, социально-исторического (эволюционного) и информационного [Буланова, 2015]. Наиболее подходящим для осуществления проекта

нам представляется обращение к *феноменологической* интерпретации коллективной памяти, ориентированной на фиксацию и сохранение образов, что позволяет воспроизводить и рефлексировать культурно-историческую память поколений. Э. Гуссерль, описывая опыт сознания, подчеркивал, что социальная память обладает аксиологическими свойствами – ценностно-смысловыми оценками [Гуссерль, 2011]. Исходя из этого, воспоминания о детстве позволяют взрослому человеку осмыслить переживаемый опыт, реконструировать его с других временных позиций, придавая ситуациям и событиям прошлого новую окраску.

Использование в музейном пространстве при работе с локальным культурным наследием принципов партиципаторной технологии и *memory stories*, актуализирующих культурную память локальных сообществ, способствует сохранению региональной специфики музейных экспозиций. Собранные и систематизированные, документально подтвержденные факты позволяют реконструировать повседневные события детства, что позволит углубить понимание мира детства [Попкова, 2003].

Реализация проекта исследования

В мае 2023 г. в «Музее кукол и детской книги “Страна чудес”» (одном из музеев «Объединенного музея писателей Урала»), была реализована выставка «Моё свердловское детство», являющаяся важнейшей частью проекта, посвященного изучению культурной памяти жителей Свердловска (Екатеринбурга). Проект предполагал не только «пассивную» экспозицию связанных с детским периодом жизни материалов, но и интерактивную актуализацию представлений о детстве как о части культуры повседневности. Основной целью проекта было создание «ожившего» пространства локальной истории детства, когда представленные предметы повседневного быта детей становились «средством» получения новой информации и расширения экспозиции.

В течение нескольких месяцев была проведена серия интервью с жителями Екатеринбурга, в которых они поделились воспоминаниями о своём детстве: историями о любимых книгах, играх и игрушках, наиболее посещаемых местах города. Особо ценным приобретением стали артефакты детства, переданные жителями музею.

Посетителям музея предлагалось ознакомиться с двумя разделами экспозиции выставки. Первый раскрывал основные локусы детской гео-

графии – дома, дворы, районы города. Во втором разделе экспозиции были представлены личные истории из детства жителей Свердловска.

Для организации пространства диалога между экспонированными предметами и аудиторией на стене одного из залов была размещена карта Свердловска, на которой посетители могли самостоятельно отмечать флажками места, связанные с их детством.

В качестве примера иллюстративного материала, включённого в экспозицию, приведём несколько рассказов жителей Екатеринбурга.

«Барахолка» на станции Шувакиши

Конечно, «Барахолка» не была предназначенным для детей местом, однако они (в частности, подростки) регулярно её посещали. Такие места были привлекательны для детей в 60–80-е годы XX в. прежде всего тем, что там продавали не только «вторичный» ассортимент одежды, обуви и различных предметов – среди многочисленных «развалов» можно было найти антикварные предметы, а что немаловажно для того времени – дефицитные товары, привозимые из-за рубежа.

Воспоминания Дмитрия Ш.: «Существовал оазис аудиомызыки и прочего – Шувакиш, где можно было приобрести пластинку. Вообще это была своеобразная субкультура. Тогда нужна была музыка, и если ты хотел в этой социальной среде жить, то необходимо было обладать пластинкой... Пластинка могла стоить до 200–250 рублей. Чтобы обладать такой суммой, необходимо было скидываться. Либо во дворе, либо это школьный какой-то круг. <...> Собирали деньги, собирались активными ребятами и ехали на Шувакиш. Соответственно команда для чего нужна была: ну во-первых это был такой достаточно криминальный способ, то есть там можно было помимо музыки купить ещё одежду, видеокассеты, жвачки – все, что в Советском Союзе отсутствовало как класс. И соответственно, у тебя могли там либо эти деньги просто забрать, напаять, либо просто тебя обмануть. Приезжали, выбирали, смотрели, что там нравилось, по ценнику выторговывали, покупали и ехали с приобретением домой. Потом соответственно в каком-то другом районе города такая же команда приобретала пластинку, и мы менялись этими пластинками.

Ещё одна была фишка, что у каждой команды был свой какой-то там знак или ещё что-то, и он рисовался внутри конверта пластинки. Как правило, так как я увлекался рок-музыкой-металл, то это были всякие там волки, названия. Пла-

стинки таким образом внутри были исписаны все, на них живого места не было».

Респонденты приезжали на барахолку чтобы приобрести товары, условно принадлежащие миру взрослых: детали для радиоприёмника и пластинки с музыкой в жанре «металл». Посещение Шувакиша воспринималось как нарушение правил поведения детей, поэтому поездки на барахолку делались в тайне от родителей.

«Свердловская кондитерская фабрика № 2»

Воспоминания Елены М.: «Про бесплатные конфеты я знаю лучше всех! Я жила окно в окно с кондитерской фабрикой на Толмачёва. Столько конфет, сколько я съела, не съел никто в мире. На первом этаже делали леденцы, и, проходя мимо, тётенька могла спросить: “Девочка, хочешь конфетку?”. Подходишь, а там горячая гибкая колбаса из леденца. Вот она вкусная, ешь её потом целый день. Ночью подносы на фабрике падали, грохот был такой, будто бомбёжка началась. Станки постоянно стучали, а двор вокруг кондитерской наполнялся детским ором: “Тётенька, дайте конфетку!”. Нас спрашивали, как можно жить с таким шумом? А мы настолько к этому привыкли, что ничего этого не слышали».

Два описанных выше объекта воспоминаний подтверждают теорию П. Бергера и Т. Лукмана о формировании социальной памяти и о способах доступа к ней индивида, поскольку большая группа посетителей музея, рассматривая карту Свердловска, отмечали именно эти памятные для них места. Глубинные интервью, проводимые с посетителями музея, позволили выявить эмоциональные воспоминания об их личном опыте и о событиях детства, которые сформировали коллективный образ: в первом примере – это ощущение риска и одновременного удовлетворения от получения «запретной» продукции, во втором – удовольствие и наслаждение от лакомств, не всегда доступных детям в тот период времени. Так формировалось сопричастие к миру детской субкультуры.

Магазин «Подписные издания»

Воспоминания Ирины С.: «Родители очень любили читать, и мы с папой ходили на Воеводина в “Подписные издания”. В субботу ходили, в воскресенье они не работали. В субботу выкупали книги. И вот такая вот большая сумка у нас была, выкупим всё это и несём... Я шла на Ленина, там было три магазина книжных. Один, второй, а третий был vip-коллектор, где комплектовались библиотеки. И вот я шла туда и выбирала себе книги».

В этом тексте прослеживается высокий образовательный уровень семьи, демонстрирующий духовные предпочтения в выборе объекта интереса. Несомненно, приобретение книг по подписке и последующее их чтение свидетельствует о том, что родители стремились передать свою любовь к литературе детям и этот факт иллюстрирует процесс инкультурации детей и формирования мира знаний.

Дворец пионеров (бывшая Усадьба Харитоновых-Расторгуевых)

Воспоминания Марины У.: «Зимой – лыжи в парке у Дворца пионеров, а летом – просто играли у пруда в этом же парке, где плавали красивые лебеди: чёрные и белые. <...> Особой достопримечательностью был фонтан у Вознесенской церкви (бывший краеведческий музей), у которого собирались стар и млад. В центре фонтана мальчик, держащий в руках большую рыбу, а по периметру чугунные лягушки. После купания в фонтане мы грелись на этих лягушках и сушили одежду».

Воспоминания Елены М.: «Мы смотрели спектакль в стенах дворца, как вдруг во время представления распахиваются задние двери, оттуда выбегает Ленин с кепкой, и кричит своим картавым голосом: “Товарищи!”. Я онемела и поверила, что Ленин жив, и лозунг “Ленин жил, Ленин жив и будет жить” стал не просто фразой! Все это происходило в 60-х годах, никакого живого Ленина тогда давно уже не было...»

Приходишь своим ходом, заходишь со стороны храма, слева – деревянный сарай, где продают эклеры и газировку. Тянул лимонаду, заел пирожным и пошёл в игры играть подвижные. Хоть раз кто-нибудь отравился! Как все собрались, идём во Дворец смотреть один и тот же мультфильм “Царевна-лягушка”, из года в год, изо дня в день – я выучила сюжет наизусть! Очень хороший мультфильм. Затем гуляния и обед. Ведут детей трапезничать в ДК Горького (тогда Дом культуры строителей). Еда в ресторане была очень вкусная! После обеда поднимаемся на второй этаж и смотрим кино. А фильмы часто были необычные, например, “Брак по-итальянски”».

Эти воспоминания демонстрируют, каким образом культурно-социальная среда оказывала воздействие на развитие у детей эстетических предпочтений в процессе их общения со сверстниками и взрослыми. Непринужденная игра, специфическая потребность к «заново-повторению» (в частности, просмотру одного и

того же мультфильма или чтению рассказа, сказки и т. п.) способствовали развитию воображения, формированию фантазий, эмоциональной памяти, репродуцированной через десятилетия.

Результаты проекта «Моё свердловское детство»

Рассказы взрослых, воспроизводящие детские впечатления, эмоционально насыщены, фактографически выразительны; их совокупность создаёт историко-культурное поле одного из районов Свердловска, формирующее «культурную память» мира детства советского периода. Непосредственные участники проекта, дававшие интервью сотрудникам музея, восторженно отзывались о выставке и выражали готовность к дальнейшему сотрудничеству. Позитивным результатом стало увеличение количества посетителей, приходивших на выставку «Моё свердловское детство», которые активно включались в диалог с экспонатами выставки, оставляя на карте воспоминаний собственные отметки.

Заключение

Реализация описанного в статье проекта инициирует разработку нового направления изучения мира детства как социокультурного явления. «Память детства» – особый собирательный образ, опосредованный культурологической коннотацией, – является важнейшей частью сохранения культурной памяти. Теоретические идеи Э. Гуссерля и Я. Баталовой о необходимости «заново воссоздания» и конституирования сотворенного сознанием ребёнка образа, воспроизводящегося взрослым спустя много лет, актуализируются в современном мире, теряющем свои духовные традиции: «Воспоминание свидетельствует нам об опыте прошлого и ощущается именно таким образом, несмотря на то, что оно переживается в ощущениях нами как настоящее» [Баталова, 2019, с. 50].

Результаты проведённого исследования могут способствовать изучению мира детства, а именно – выявлению в рефлексивном опыте поколений культурных компонентов. Расширение базы воспоминаний представителей разных поколений городских жителей Екатеринбурга, включение в исследование новых временных периодов будет способствовать дальнейшему осмыслению данного историко-культурного явления. Полученная информация может быть использована для организации новых музейных продуктов – выставок, экскурсий, квестов – как в Екатерин-

бурге, так и в других городах России.

В качестве следующего этапа реализации проекта предполагается создание сайта с комментариями (историческими справками) о «местах детства» и воспоминаниями о них жителей города, что позволит сохранить память о локальном культурном наследии Екатеринбурга и тем самым внести вклад в исследование традиционных ценностей российского народа.

Библиографический список

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
3. Баталова Я. В. Воспоминание в контексте концепции времени Э. Гуссерля // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. С. 43–56.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. 2-е изд. Москва : Искусство, 1979. 423 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. Минск : Харвест, 1999. 1408 с.
6. Буланова М. Социологические аспекты изучения социальной памяти в трудах отечественных и зарубежных ученых / М. Буланова, Э. Коркия // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки : электр. сб. ст. по мат. XXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2015. № 9 (28). С. 7–18.
7. Бутейко Д. А. Виртуальные мемориалы: опыт трансформации российских и немецких мемориальных музеев в онлайн-формате // Tempus et Memoria. 2020. Т. 1, № 1-2. С. 82–88.
8. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем., сост., вступ. ст., общ. ред. В. И. Молчанова. Москва : Гнозис, 1994. 162 с.
9. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. Минск : Литература, 1998. 959 с.
10. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освящении. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. 479 с.
11. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. Санкт-Петербург : Питер, 2006. 320 с.
12. Мелик-Пашаев А. А. О личности художника и психологии художественного творчества. Лекция. URL: https://psy.su/feed/11415/?utm_campaign=news&utm_medium=mail&utm_source=Психологиподписчики&utm_content= (дата обращения: 15.07.2023).
13. Мишакова О. Культурная память как форма актуализации культурного наследия на примере музея-усадьбы народного писателя И. К. Калашникова в с. Шаралдай республики Бурятия / О. Мишакова, О. Петрова // Байкальские встречи-Х: Культурная па-

мять и культурная идентичность в условиях глобализации. 2018. С. 514–521.

14. Музеи договорились до определения. URL: <https://www.vesti.ru/article/2911325> (дата обращения: 03.06.2024).

15. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

16. Ноче В. Спор о новом определении музея привел к кризису в ИКОМ // The Art Newspaper Rucsia. 20.08.2020. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/8312/> (дата обращения: 25.10.2020).

17. Попкова Т. Д. Универсум мира детства / под науч. ред. проф. Б. В. Кондакова. Пермь : Пермский гос. нац. исследовательский ун-тет, 2023. 292 с.

18. Саймон Н. Партиципаторный музей / пер. А. Глебовской. Москва : АД Маргинем Пресс, 2017. 368 с.

19. Словарь музейных терминов. Актуализация наследия. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?41> (дата обращения: 27.06.2023).

20. Солодовникова Н. Г. Эмоции, с которыми не хочется расставаться, или произвольность / непроизвольность эмоциональной памяти // Неофилология. 2017. Т. 3(11). С. 20–27.

21. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва : Новое изд-во, 2007. 348 с.

22. Eco U. An Ars oblivionalis? Forget it! // PMLA. 1988. № 3 (103). P. 254–261.

Reference list

1. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika = The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
2. Assman A. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti = Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity / per. s nem. M. M. Sokol'skoj. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 363 s.
3. Batalova Ja. V. Vospominanie v kontekste koncepcii vremeni Je. Gusserlja = Memory in the context of E. Husserl's concept of time // Idei i idealy. 2019. T. 11, № 4. S. 43–56.
4. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal creativity / sost. S. G. Bocharov. 2-e izd. Moskva : Iskusstvo, 1979. 423 s.
5. Bergson A. Tvorcheskaja jevoljucija. Materija i pamjat' = Creative evolution. Matter and memory / per. s fr. Minsk : Harvest, 1999. 1408 s.
6. Bulanova M. Sociologicheskie aspekty izuchenija social'noj pamjati v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh = Sociological aspects of the study of social

memory in the works of domestic and foreign scientists / M. Bulanova, Je. Korkija // Molodezhnyj nauchnyj forum: obshhestvennye i jekonomicheskie nauki : jelekt. sb. st. po mat. XXVIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. 2015. № 9 (28). С. 7–18.

7. Butejko D. A. Virtual'nye memorialy: opyt transformacii rossijskih i nemeckih memorial'nyh muzeev v onlajn-formate = Virtual memorials: the experience of transforming Russian and German memorial museums online // Tempus et Memoria. 2020. T.1, № 1-2. С. 82–88.

8. Gusserl' Je. Sobranie sochinenij. T. 1. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni = Collected works. Vol. 1. Phenomenology of the inner consciousness of time / per. s nem., sost., vstup. st., obshh. rd. V. I. Molchanova. Moskva : Gnozis, 1994. 162 s.

9. Kant I. Kritika chistogo razuma = Criticism of pure reason / per. s nem. N. Losskogo. Minsk : Literatura, 1998. 959 s.

10. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osvjaxhenii. Izbrannye stat'i = Memory in cultural consecration. Featured articles. T. 1. Tallin, 1992. 479 s.

11. Lurija A. R. Lekcii po obshhej psihologii = Lectures in general psychology. Sankt-Peterburg : Piter, 2006. 320 s.

12. Melik-Pashaev A. A. O lichnosti hudozhnika i psihologii hudozhestvennogo tvorcestva = About the personality of the artist and the psychology of artistic creativity. Lekcija. URL:

https://psy.su/feed/11415/?utm_campaign=news&utm_medium=mail&utm_source=Psihologipodpischiki&utm_content= (data obrashhenija: 15.07.2023).

13. Mishakova O. Kul'turnaja pamjat' kak forma aktualizacii kul'turnogo nasledija na primere muzeja-usad'by narodnogo pisatelja I. K. Kalashnikova v s. Sharaldaj respubliki Burjatija = Cultural memory as a form of updating cultural heritage on the example of the museum-estate of the people's writer I. K. Kalashnikov in the village. Sharaldai of the Republic of Buryatia / O. Mishakova, O. Petrova // Bajkal'skie vstrechi-H:

Kul'turnaja pamjat' i kul'turnaja identichnost' v uslovijah globalizacii. 2018. S. 514–521.

14. Muzei dogovorilis' do opredelenija = Museums agreed before determination. URL: <https://www.vesti.ru/article/2911325> (data obrashhenija: 03.06.2024).

15. Nora P. Problematika mest pamjati = Problems of memory places // Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-teta, 1999. S. 17–50.

16. Noche V. Spor o novom opredelenii muzeja privel k krizisu v IKOM = Dispute over new definition of museum leads to IKOM crisis // The Art Newspaper Rucsia. 20.08.2020. URL:

<http://www.theartnewspaper.ru/posts/8312/> (data obrashhenija: 25.10.2020).

17. Popkova T. D. Universum mira detstva = Universe of the world of childhood / pod nauch. red. prof. B. V. Kondakova. Perm' : Permskij gos. nac. issledovatel'skij un-tet, 2023. 292 s.

18. Sajmon N. Participatornyj muzej = Participatory Museum / per. A. Glebovskoj. Moskva : AD Marginem Press, 2017. 368 s.

19. Slovar' muzejnyh terminov. Aktualizacija nasledija = Dictionary of Museum Terms. Heritage actualization. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?41> (data obrashhenija: 27.06.2023).

20. Solodovnikova N. G. Jemocii, s kotorymi ne hochetsja rasstavat'sja, ili proizvol'nost' / neproizvol'nost' jemocional'noj pamjati = Emotions that you do not want to part with, or arbitrariness/involuntary emotional memory // Neofilologija. 2017. T. 3(11). S. 20–27.

21. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati = Social framework of memory / per. s fr. i vstup. stat'ja S. N. Zenkina. Moskva : Novoe izd-vo, 2007. 348 s.

22. Eco U. An Ars oblivionalis? Forget it! // PMLA. 1988. № 3 (103). P. 254–261.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 20.06.2024.